

Политика и нравы американских кампусов

Бродский приехал в США в начале семидесятых годов – беспокойный период в истории

458 Из-за полного невнимания к денежным делам Бродскому однажды грозили серьезные неприятности. В 1991 г. он забыл вовремя уплатить подоходный налог и уехал в Англию. Грозное налоговое управление начало рассылать письма его соседям в Саут-Хедли с призывом помочь отыскать беглого неплательщика. Об этом эпизоде с юмором писала американская пресса (см. IRS Pens a Few Lines to US Poet Taureate // The Boston Globe, July 7, 1991. P. 40).

страны. Близился бесславный конец вьетнамской войны. Нефтяной кризис расшатывал американскую экономику. В 1973 году страну потрясла и оскорбила уотергейтская история, приведшая к импичменту президента Никсона в 1974-м. На конец семидесятых приходится анемичное правление администрации Джимми Картера. Здесь надо сказать несколько слов о нравах той среды, в которой оказался Бродский.

Его американские сверстники – молодые университетские преподаватели, писатели, редакторы, а также студенты и аспиранты, с которыми он сталкивался в классах, – принадлежали к поколению шестидесятых годов. Не все из них начинали как хиппи или участвовали в протестных маршах и демонстрациях, но общим для этой среды было скептическое отношение к американским демократическим институтам и пацифизм, по преимуществу весьма бездумного свойства. Поднаторевшие в разоблачении коварных замыслов американского «военно-индустриального комплекса», они с наивным энтузиазмом поддерживали «миролюбивые инициативы» брежневского правительства, активно выступая против любых оборонных программ своего собственного: размещения в Европе американских ракет среднего радиуса действия или разработки нового тактического оружия, так называемой «нейтронной бомбы». Мы уже говорили в предыдущей главе о том, как презирал Бродский нечестное, а чаще неумное приравнение проблем, возникающих в демократическом обществе, с кошмаром тоталитарных режимов. «Запад! Запад ему люб!..» – запальчиво восклицает Солженицын в заключительной части статьи о Бродском и в качестве первой причины такого западничества называет веру Бродского в то, что только на Западе господствует Нравственный Абсолют⁴⁵⁹. Но Солженицын, тщательно прочитавший все стихи Бродского и очерк «Путешествие в Стамбул», видимо, оставил без внимания публицистические выступления поэта. В критике реального социализма, то есть тоталитарных режимов, Бродский следует традиции своих кумиров – Джорджа Оруэлла, У. Х. Одена, Чеслава Милоша. Если использовать английское выражение, «он стоит на плечах этих гигантов». В отличие от них он не был рожден и воспитан в капиталистическом обществе, не прошел через увлечение социализмом, но так же, как они, он при всем своем отвращении к тоталитаризму не смотрел на Запад сквозь розовые очки и уж конечно не был апологетом капитализма в духе Айн Рэнд.

Что касается внутренних проблем американского общества, постоянных предметов политического спора между теми, кого в Америке называют «либералами» и «консерваторами», поведение Бродского делало его скорее «либералом», хотя, по существу, он был выше этой проблематики. Проблема *другого* — черного для белого, гомосексуалиста для гетеросексуалиста, женщины для мужчины – была в США проблемой политического и экономического равноправия и для некоторых проблемой этики или веры. На бытовом уровне борьба за равноправие выразилась в табуировании самой тематики *другости* (пол, раса, сексуальная ориентация тщательно игнорируются при обсуждении деятельности субъекта). У Бродского изначально не было сомнений относительно равноправия, но языковые игры, отдающие лицемерием, он принимать отказывался. О квотах для расовых меньшинств при поступлении в университет (*affirmative action*) мог сказать грубо, но по сути дела точно: «Пусть лучше сидят, не всё понимая, на лекциях, чем болтаются на перекрестках». Политкорректность высказываний в лучшем случае есть проявление вежливости и такта, но в худшем – вульгарного культурного релятивизма, отрицания абсолютных этических и эстетических ценностей. Как сказал Бродский по другому поводу: «Но плохая политика портит нравы. / Это уж – по нашей части!» О своих героях он писал, невзирая на кодекс политкорректности⁴⁶⁰. Если считал, что гомосексуализм Кавафиса определил отношения поэта с миром, то писал об этом, не страшась обобщений. Если считал, что гомосексуализм Одена или тот факт, что Дерек Уолкотт мулат, существенно не

459 Солженицын 1999. С. 193.

460 Эссе «Песнь Маятника» (СИБ-2. Т. 5).

отразились на их поэтическом творчестве, то упоминал лишь вскользь или вовсе не упоминал.

Америка, в которую приехал Бродский, была страной победившей сексуальной революции. Новые нормы сексуальной морали, установившиеся, по крайней мере, в либеральных кругах, вряд ли оправдывали опасения традиционных моралистов. Сексуальная практика молодого поколения мало напоминала либертинаж восемнадцатого века, оргиастические безобразия в Риме «Сатирикона» или библейский Содом. Скорее это была победа «теории стакана воды» и «товарищеского отношения к женщине», которые так бурно дебатировались в начале советского периода в России. Там, как известно, сексуальная революция, о необходимости которой говорила Клара Цеткин и некоторые большевики, не состоялась. Напротив, в годы, когда Бродский подрастал, в стране царили лицемерно-пуританские нравы. Обратной стороной официального пуританства были, конечно, всевозможные невроты и комплексы, а также потаенный разврат: служебные романы, курортные случки, «обслуживание» в охотничьих домиках и саунах для начальства. И формальная идеология секса, и реальная практика одинаково укрепляли вековые психологические стереотипы мужского и женского поведения. В семье – патриархальные, а во внесемейных отношениях между полами – охотника и дичи, донжуана и его «жертв». В американских кампусах последней трети двадцатого века сексуальная охота, донжуанизм в значительной степени потеряли значение, уступили место свободному и равноправному сексуальному партнерству. И внебрачное сожитительство, и одноразовая сексуальная встреча утратили характер незаконной игры, моральной девиации.

Фармакологически победа сексуальной революции обеспечивалась изобретением надежных противозачаточных пилюль, идеологически – феминизмом, хотя в теоретическом феминизме, озабоченном политическими и экономическими проблемами, пропаганды «естественной» свободы сексуальных отношений как раз нет. В русском языке, с его грамматическими родами, принято говорить о «феминистках». Но на Западе, где философия феминизма так широко распространилась после 1960-х годов, отсутствие грамматического рода удачно совпадает с идеологической реальностью – идеи феминизма глубоко усвоены не только большинством женщин, но и едва ли не большинством мужчин в образованных слоях населения. Когда Бродский на вопрос журналиста, как он себя чувствует в качестве преподавателя в женском колледже, неосторожно брякнул: «Как лиса в курятнике», – возмущенные письма пришли в редакцию от мужчин. «Любой преподаватель, который смотрит на своих студентов с подобным сексистским и хищническим умонастроением, должен быть лишен права на профессию», – писал некий Джордж Клауиттер из штата Висконсин⁴⁶¹.

Негодование, хотя Бродский и сам его спровоцировал, было не по адресу. Если бы лирический текст поддавался прямому переводу в политический дискурс, то Бродского можно было бы уличить в радикальном феминизме. Согласно центральному положению феминизма, женщина должна самоидентифицироваться не как объект мужской страсти, не как жена, «опора», «помощник» и даже не как мать, а как абсолютно автономная личность, свободный и равноправный участник любовного или брачного союза. В стихотворении «Я был только тем, чего...», подводящем итог книге любовной лирики «Новые стансы к Августе», как раз лирический герой, мужчина, поставлен в зависимое от женщины положение: сначала «смутный облик», он под женским влиянием обретает личностные черты, в первую очередь способность к творчеству⁴⁶². Разумеется, было бы наивно приравнять риторику лирического стихотворения к политической риторике, но все же

461 Michigan Today. Vol. 24, № 4, December 1992. P. 7 (интервью); Michigan Today. Vol. 25, № 1, March 1993. P. 14 (письма читателей).

462 В русской лирике единственный прецедент такого подчиненного отношения к женщине находим у Пастернака: «...след поэта – только след, / Ее путей, не боле...»

автора этих стихов никак нельзя уличить в мужском шовинизме.

Однако именно в этом, в «сексизме», Бродского не раз обвиняли. Его отношение к женщинам или отношение его лирического героя к женщине рассматривалось, в лучшем случае, как старомодное. Вот что говорил даже симпатизирующий Бродскому английский журналист и писатель Майкл Игнатъев (потомок русских эмигрантов) по поводу эссе «Altra Ego», впервые прочитанного как доклад в Британской академии: «Было что-то дешевое в том, как он говорил о женщинах»⁴⁶³. Между тем Бродский как лирический поэт не мог не оказаться в конфликте с этосом сексуальной революции. Известный американский мыслитель Алан Блум в своей нашумевшей книге «Заключение американской мысли» подробно рассматривал культурные последствия упрощения отношений между полами. «Эротизм наших студентов ослаблен. Это не божественное безумие, восхваляемое Сократом, или чарующее ощущение собственной неполноты и стремления восполнить ее, или милость природы, позволяющая частичному существу восстановить свою целостность в объятии другого, или томление временного существа по вечности в продолжении семени своего или в надежде, что люди будут помнить содеянное им, или размышление о совершенстве. Эротизм – беспокойство, но такое, которое содержит в себе обещание успокоения и утверждает в материальном мире добро. Это доказательство, субъективное, но неопровержимое, связи человека, пусть и несовершенной, с другими людьми и с целокупной природой. Удивление, источник поэзии и философии, есть характерная форма выражения эротизма. Эрос требует дерзания от служащих ему и хорошо это обосновывает. Томление по целостности есть томление по образованию, а изучать его и значит получать образование. <...> Половая жизнь наших студентов, их отношение к ней обескровливают эротическое томление, оно им непонятно. Упрощение лишило эрос его прорицательной силы»⁴⁶⁴.